

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ПРИСЯЖНОЙ АДВОКАТУРЫ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ*

А. В. ВЕРЕЩАГИНА**

Российская адвокатура появилась в результате судебной реформы 1864 г. Законодатель декларировал создание независимой, автономной, самоуправляющейся корпорации. Последовавшее законодательство изменило некоторые положения в интересах правительства. Это позволило усилить влияние царского правительства на адвокатское сословие и привело к кризису адвокатуры в начале XX в. В дореволюционный период были предприняты две попытки, направленные на улучшение регламентации института адвокатуры. Первая связана с деятельностью Комиссии Н. В. Муравьева (рубеж XIX–XX вв.), вторая — с деятельностью Комиссии Временного правительства (1917 г.). Наибольшая дискуссия при подготовке обоих проектов развернулась вокруг двух вопросов: полномочия органов самоуправления и дисциплинарная ответственность присяжных поверенных. По мнению оппонентов, полномочия органов самоуправления были чрезмерно расширенными. Это позволяло устанавливать диктат над рядовыми членами адвокатуры. При этом на членов Советов присяжных поверенных никакими обязанностями и ответственности не возлагалось. Подготовленные обеими Комиссиями проекты основывались на идеях судебной реформы 1864 г., не содержали принципиальных изменений и сводились к усовершенствованию деталей. Единственной заслуживающей внимания новеллой проекта 1917 г. являлся институт помощников присяжных поверенных.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история российского права, судебная реформа, пореформенное законодательство, адвокатура, организационные принципы, автономия адвокатуры, самоуправление адвокатуры, помощник присяжного поверенного, Комиссия Н. В. Муравьева, Комиссия Временного правительства.

* В тексте используются следующие сокращения: ПСЗ — Полный свод законов Российской империи; СЕИВ — Собственная Его Императорского Величества; Советы — Советы присяжных поверенных; УСУ — Учреждение судебных установлений, Высочайше утвержденное 20 ноября 1864 г. (ПСЗ II. Т. XXXIX. Отд-ние II. № 41475. СПб.: тип. II Отд-ния СЕИВ Канцелярии, 1867).

** Верещагина Алла Васильевна — кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой публичного права Института права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (ИП ВГУЭС).

Vereshchagina Alla Vasilievna — candidate of legal sciences, associate professor, head of the Department of Public Law of the Institute of Law, Vladivostok State University of Economics and Service.

E-mail: vereschagina_alla@mail.ru

© Верещагина А. В., 2015

VERESHCHAGINA A. V. PRE-REVOLUTIONARY PROJECTS OF REFORMING RUSSIAN LEGAL PROFESSION: SOME ISSUES

The legal profession in Russia appeared as a result of the judicial reform of 1864. The legislator declared the formation of independent, autonomous self-regulated corporation. The subsequent legislation has changed some provisions to the benefit of the government. It enabled to strengthen the influence of the Tzarist government on the legal profession and caused the crisis of the legal profession at the beginning of the 20th century. During the pre-revolutionary period there were two attempts to improve regulation of the legal profession. The first one is connected with the activity of N. V. Muraviev's Commission (late 19th — early 20th centuries), the second one is connected with the activity of the Provisional Government Commission (1917 г.). Two issues were the most disputable during preparation of both projects, namely the powers of self-government authorities and disciplinary liability of attorneys at law. According to the opponents, the powers of self-government authorities were too wide. It enabled to control rank-and-file members of the legal profession. At the same time neither duties nor liability was conferred on the members of the Council of attorneys at law. The projects drafted by both Commissions were based on the ideas of judicial reform of 1864, did not contain any significant changes and were reduced to improvement of details. The only novel of the project of 1917 which is worth mentioning is the institute of assistants of attorneys at law.

KEYWORDS: history of Russian law, judicial reform, post-reform legislation, legal profession, organizational principles, autonomous character of the legal profession, self-regulation of the legal profession, assistant of attorneys at law, N. V. Muraviev's Commission, the Provisional Government Commission.

Созданная Судебными уставами присяжная адвокатура к концу XIX в. находилась в предкризисном состоянии.¹ Две основные попытки его преодоления связаны с деятельностью комиссий Н. В. Муравьева и Временного правительства.

В качестве двуединой цели пересмотра законоположений об адвокатуре Комиссией Н. В. Муравьева декларировалось развитие и укрепление самоуправления в сочетании с усилением контроля и ответственности перед клиентом, корпорацией и властью.² Наиболее активно обсуждались: 1) полномочия прокуратуры «по наблюдению за правильностью действий адвокатских органов»; 2) институт частных поверенных; 3) доступ в сословие нехристиан; 4) совместимость статуса присяжного поверенного с другими видами деятельности; 5) учреждение специального надзорного органа — Особого присутствия Судебной палаты; 6) упорядочение выплаты гонорара; 7) укрепление статуса помощников присяжных поверенных; 8) создание Советов присяжных поверенных там, где количество адвокатов достигло предусмотренной законом нормы.³ Перечисленные вопросы

¹ См. подробнее: *Винавер М.* Очерки об адвокатуре. СПб., 1902. С. 31–36; *Васьковский Е. В.* Будущее русской адвокатуры. К вопросу о предстоящей реформе. М., 2000. С. 3–31.

² Журнал № 6 Высочайше учрежденной Комиссии для пересмотра законоположений по судебной части. Заседания 18, 19 и 20 января 1897 года. Обсуждение Проекта II Отдела Комиссии статей о поверенных по судебным делам. СПб.: тип. Правительствующего Сената, 1897. С. 5. (Далее в тексте — Журнал № 6.)

³ Журнал № 6. С. 5.

непосредственно и опосредованно связаны в основном с одним из заявленных аспектов — усилением контроля за сословием.

В сравнении с Судебными уставами проект комиссии расширял полномочия прокуратуры по надзору за Советами присяжных поверенных. Предполагалось наделить прокуратуру правом опротестования и передачи на рассмотрение суда любого, а не только дисциплинарного, решения Совета, включая вопросы вступления в корпорацию и членства в ней. По мысли комиссии, протест мог приноситься в том числе и по мотиву политической неблагонадежности: при подозрении в политической деятельности или нахождении под надзором полиции. Причем для опротестования признавались достаточными как формальные нарушения, так и обладание прокурором любыми сведениями о вступившем в сословие лице, которые «не согласуются с истинными интересами правосудия».⁴ Неопределенность формулировки позволяла манипулировать персональным составом адвокатского сообщества.

Частных поверенных сохраняли и подчиняли Советам. Во избежание предвзятости такого контроля (они были конкурентами присяжных поверенных) они наделялись правом обжалования решений Совета в Особое присутствие, состоящее из четырех членов суда.

Прием в адвокатуру лиц нехристианского вероисповедания не только квотировался 10% от общего числа присяжных поверенных в судебном округе, но и увязывался с запретом избрания на должности председателя и товарища председателя Совета. Присяжный поверенный Ф. Н. Плевако предложил указать в законе ограничения не по вероисповеданию, а по национальности, поскольку запрет фактически направляли против евреев.⁵ Однако его позицию не поддержали.

Комиссия положительно отнеслась к возможности принятия в присяжные поверенные двух категорий государственных служащих: чиновников, «обязанности коих состоят в ведении и защите в судах дел, сопряженных с интересами... ведомств», и юридической профессуры. Мотивом первой из означенных новаций являлось достаточное знакомство с судебной практикой, так как их «служебная деятельность... весьма близко подходит к деятельности присяжных поверенных».⁶ В отношении юридической профессуры развернулась острая полемика. Допустимость совмещения преподавания с адвокатской деятельностью обсуждали еще при составлении Судебных уставов. Тогда от этой идеи отказались, поскольку состоящая на государственной службе профессура, «как и прочие чиновники, подчинена своему начальству», не обладает необходимой для присяжных поверенных независимостью и свободой располагать своим временем, без чего «невозможно исполнять многочисленные обязанности, соединенные со званием присяжного поверенного».⁷

⁴ Журнал № 6. С. 24.

⁵ См.: *Особое мнение приглашенного к участию в рассмотрении проекта организации адвокатуры Ф. Н. Плевако по 4 статье проекта // Приложение № 3 к Журналу № 6; Пункт 4 по поводу ст. 380 и пункт 9 Проекта II Отдела Высочайше учрежденной Комиссии для пересмотра законоположений по судебной части «О поверенных по судебным делам взамен 353–406⁹ статей Учреждения судебных установлений» // Приложение № 5 к Журналу № 6.*

⁶ Пункт 3 по поводу ст. 355 УСУ // Приложение № 5 к Журналу № 6.

⁷ Дело о преобразовании судебной части в России. В 74 т. Т. LX. СПб.: тип. II Отд-ния СЕИВ Канцелярии, 1866. С. 49.

Пунктом 3 проекта предлагалось дополнить ст. 355 УСУ положением, ограничивавшим совмещение статуса присяжного поверенного с частной службой в должностях или с торговой и промышленной деятельностью, которые Совет признает несовместимыми с этим званием.⁸ Необходимость такого запрета обуславливалась широким распространением в среде адвокатов «побочных занятий», которые увеличивали их средства к существованию, но при этом превращали присяжных поверенных в «юрких дельцов».⁹

Кроме того, председатель и семь членов комиссии полагали недопустимым пребывание в сословии лиц, находившихся под гласным полицейским надзором.¹⁰

Особо дискутировался институт дисциплинарной ответственности адвокатов. Дисциплинарное производство по Уставам являлось прерогативой Совета присяжных поверенных. Оно прописывалось лапидарно и сводилось к нескольким правилам. Помимо права Совета применять дисциплинарные наказания закреплялись их система и обязанность Совета истребовать объяснение от преследуемого лица, а в случае его непредставления или неявки в Совет в срок — рассмотреть вопрос по имеющимся материалам. Дисциплинарное решение Совета считалось законным, если в заседании участвовало не менее половины его членов, две трети из которых проголосовали за применение наказания. Предусматривался двухнедельный срок его обжалования в Судебную палату (за исключением вынесения предостережения или выговора). Эта инстанция выносила окончательное решение (ст. 368, 371–376 УСУ).

Самым существенным недостатком первоначальной редакции рассматриваемого проекта являлось отсутствие легальной системы оснований привлечения к дисциплинарной ответственности. В ст. 368 УСУ просто фиксировалось, что «Совет Присяжных Поверенных имеет право своею властью (орфография первоисточника. — *А. В.*) подвергать их за нарушение принятых ими на себя обязанностей...». Как видно из формулировки, «нарушение принятых обязанностей», т. е. вытекающих из профессиональной деятельности, — единственное основание применения наказания. Советы, вопреки процитированной норме, более широко трактовали свою дисциплинарную власть. Они распространяли ее как на профессиональную деятельность, так и на «все вообще поступки присяжного поверенного, могущие иметь влияние на степень доверия к нему со стороны общества и на нравственную его оценку».¹¹

Приостановление открытия Советов и дисциплинарная пассивность окружных судов в отношении присяжных поверенных, по мнению некоторых исследователей, в наибольшей степени способствовали деградации адвокатуры.¹²

⁸ Пункт 3 по поводу ст. 355 УСУ // Приложение № 5 к Журналу № 6.

⁹ См. подробнее: *Васьковский Е. В.* Будущее русской адвокатуры... С. 9.

¹⁰ Пункт 3 по поводу ст. 355 УСУ // Приложение № 5 к Журналу № 6.

¹¹ *Арсеньев К. К.* Заметки о русской адвокатуре: статьи, речи, очерки / сост. И. В. Потапчук. Тула, 2001. С. 80.

¹² Там же. С. 28 и след.; *Немытина М. В.* Пореформенный суд в России: деформация основных институтов уставов 1864 года // Правоведение. 1991. № 2. С. 104; *Хаски Ю.* Российская адвокатура и советское государство: происхождение и развитие советской адвокатуры. 1917–1939. М., 1993. С. 22–23 и др. — Критика этой позиции изложена нами в: *Верещагина А. В.* Некоторые вопросы развития дореволюционного законодательства о присяжных поверенных // История государства и права. 2013. № 24. С. 17.

Дисциплинарное производство Советов действительно было активнее, чем в окружных судах, — на 100 поверенных около 32 дел против 17 дел в округах, где Советы отсутствовали. Однако анализ принимавшихся некоторыми Советами решений свидетельствует, что менее чем по четверти жалоб (14 из 59, что составляет 23,7%) действия присяжных поверенных признавались неправильными с наложением различных взысканий.¹³ Поэтому представляется не совсем обоснованным вывод о том, что одной из *основных* причин неудовлетворительного положения дел в адвокатуре являлось отсутствие жестко надзирающих за членами сословия Советов в большей части судебных округов. Всеобъемлющая дисциплинарная практика Советов там, где они функционировали, не стала преградой оскудению нравственных начал в адвокатской среде.¹⁴ Незрелость корпоративных традиций и правил профессиональной этики, всегда присущая человеку субъективность могли способствовать как чрезмерной придирчивости, так и попустительству со стороны Советов в отношении присяжных поверенных. Так, Е. В. Васьковский отмечал, что за «такие, позорящие честь сословия профессиональные преступления, как обман клиентов, участие в фиктивных сделках, ложные заявления на суде и даже присвоение денег доверителей», Советы «не идут дальше выговора и временного запрещения практики».¹⁵

Можно предположить, что настороженное отношение присяжных поверенных к проектировавшемуся созданию Особого присутствия Судебной палаты — специального дисциплинарного органа для членов Советов, который выводил их из-под юрисдикции общих собраний, было следствием их неоднозначной дисциплинарной практики и неоднозначного отношения адвокатов к деятельности органов самоуправления. Некоторые члены специально созданной для обсуждения законопроекта об адвокатуре Комиссии Санкт-Петербургского юридического общества это предложение подвергли критике, поскольку увидели в нем ограничение сословной свободы: «...доверяя Совету суждение о всяких предосудительных поступках присяжных поверенных, закон мог бы доверить ему суд и над поступками присяжных поверенных, как членов Совета».¹⁶ Однако большинство и членов Комиссии Санкт-Петербургского юридического общества, и его общего собрания, заботясь об интересах адвокатуры, сочли, что не следует избегать любого «из предлагаемых... видов контроля».¹⁷

Проект не устранял отмеченной выше неопределенности в системе оснований привлечения адвокатов к дисциплинарной ответственности. Напротив, возможность произвола при дисциплинарном преследовании расширялась с наделением министра юстиции правом «независимо от

¹³ Данные приведены по: Азаров Д. Н. Формирование профессиональных этических правил и дисциплинарной ответственности адвоката. Дис. ... к. ю. н. М., 2009. С. 54.

¹⁴ Об этом много писали Е. В. Васьковский, П. Н. Обнинский и др.

¹⁵ Васьковский Е. В. Будущее русской адвокатуры... С. 19–20. — Современными исследователями Д. М. Усмановой и Н. В. Гильмутдиновым приводится пример из практики Казанского Совета присяжных поверенных, не сформулировавшего внятной позиции «о границах допустимого и морального в адвокатской профессии». См.: Усманова Д. М., Гильмутдинов Н. В. Дискуссии о профессиональной этике в среде казанской адвокатуры в начале XX века // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2012. Т. 154, кн. 3. С. 50–53.

¹⁶ Подробнее см.: Винавер М. Очерки об адвокатуре. С. 17; Журнал № 6. С. 25.

¹⁷ Винавер М. Очерки об адвокатуре. С. 17.

дисциплинарных взысканий, налагаемых на поверенных судебными местами», «устранить от ходатайства по судебным делам... лиц, которые, по доходящим до него несомненным сведениям, обнаруживают предосудительный образ действий, не соответствующий званию поверенного».¹⁸ Таким образом, оказалась живучей идея графа К. И. Палена, высказанная еще в 1878 г. и отчасти реализованная законом от 29 декабря 1889 г., позволявшим при наличии ряда условий уездному съезду земских начальников запретить присяжным поверенным представлять интересы в подведомственных ему судах.¹⁹

Важнейшим, влияющим на репутацию сословия и его представителей и очень щекотливым являлся вопрос финансовых взаимоотношений присяжных поверенных с клиентами. Современники отмечали постоянно возрасставшее корыстолюбие адвокатов, их непомерные «волчьи аппетиты»,²⁰ которые комиссия попыталась обуздать. Решение проблемы выдвинулось в уменьшении таксы, обязательной письменной форме договора о гонораре и праве Совета изменять его условия в соответствии с талантом и знаниями адвоката. При этом критерий «успешность представления интересов» для определения размера гонорара по уголовным делам сочли недопустимым, поскольку размер вознаграждения в зависимости от исхода дела оценивали как «недостойный торг правосудием», противоречащий задаче защитника в уголовном судопроизводстве, которая заключалась «не в обелении преступника или в перенесении ответственности с действительного виновника на лицо невинное», а «в содействии суду в раскрытии истины».²¹

Комиссия Н. В. Муравьева склонялась к отмене приостановления открытия Советов с одновременным изменением процедуры их формирования.²² Предполагалось открытие Советов без направления просьбы в Судебную палату, но при наличии в судебном округе не менее 60 присяжных адвокатов, из которых 20 и более должны проживать в городе по месту нахождения Судебной палаты. Собрание по избранию Совета признавалось легитимным при присутствии на нем $\frac{1}{3}$ от числа приписанных к Судебной палате присяжных поверенных.²³

В представленной редакции трансформация процедуры открытия Советов из разрешительной в уведомительную выглядит демократичнее лишь при первом приближении. Троекратное увеличение числа присяжных поверенных (с 20 до 60), необходимого для открытия Совета, несомненно, тормозило бы формирование органов самоуправления, особенно на окраинных территориях России.

¹⁸ Статья 120¹ Проекта II Отдела Высочайше учрежденной Комиссии для пересмотра законоположений по судебной части «О поверенных по судебным делам взамен 353–406¹⁹ статей Учреждения судебных установлений» // Журнал № 6. С. 51.

¹⁹ Правила о производстве судебных дел, подведомственных земским начальникам и городским судьям: Мнение Государственного Совета, Высочайше утвержденное 29 декабря 1889 года // ПСЗ III. Т. IX. № 6483. СПб., 1891.

²⁰ *Васьковский Е. В.* Будущее русской адвокатуры... С. 21.

²¹ *Винавер М.* Очерки об адвокатуре. С. 28.

²² Открытие Советов приостановили в 1874 г., см.: *О приостановлении* временно дальнейшим учреждением Советов Присяжных Поверенных в округах тех Судебных Палат, где оные до сего времени еще не открыты: Высочайшее повеление Сенату от 5 декабря 1874 года // ПСЗ II. Т. XLIX. Отд-ние II. № 54130. СПб.: тип. II Отд-ния СЕИВ Канцелярии, 1876.

²³ Пункт 7 и п. 8 по поводу редакции статей 358 и 359 УСУ // Приложение № 5 к Журналу № 6.

Одной из насущных, требовавших решения проблем являлась регламентация статуса помощников присяжных поверенных. В Учреждении судебных установлений только одна норма упоминала о них в связи с правом вступать в корпорацию при наличии пятилетнего стажа помощника (ст. 354). Никаких иных предписаний, в том числе касающихся их правового положения, закон не содержал. Упорядочение «помощничества» проводилось решениями Советов. Первый такой акт 11 декабря 1869 г. принял Санкт-Петербургский Совет присяжных поверенных. В нем определялся минимум требований к личным качествам помощников — наличие университетского диплома, нравственная благонадежность, а также фиксировалась необходимость ведения их реестра («правильного списка»).²⁴ Несмотря на значимость института для формирования качественной адвокатуры, проект комиссии ограничился только указанием на снижение стажа помощника, необходимого для вступления в сословие, с пяти до трех лет.²⁵

Одним из немногих положительных моментов изменения статуса адвокатов было наделение их правом представлять интересы на всем пространстве Российской империи,²⁶ которое по инициативе С. И. Зарудного дискутировалось еще при разработке уставов. Тогда его поддержало меньшинство (13 членов — за, 18 — против).²⁷

Некоторые обсуждавшиеся в комиссии идеи не вошли в проект. Так, предлагалось дополнить систему налагаемых на поверенных наказаний штрафом в 1000 рублей (за — 9, против — 19).²⁸ Высказывалось предложение об особом порядке ответственности присяжных поверенных за неправильное поведение в зале судебного заседания. Речь шла об изъятии из ведения Советов дисциплинарного производства за эти нарушения, поскольку Советы в таких случаях вторгаются в оценку деятельности судебной коллегии. По мнению шести членов Комиссии, рассмотрение неблагодарного поведения адвоката в судебном заседании должно производиться особым судебным органом — присутствием судебной палаты.²⁹ Член комиссии А. Л. Боровиковский инициировал необходимость наделения частных лиц правом обжалования решений Совета при конфликте с поверенными, что не получило поддержки.³⁰

Проект Комиссии Н. В. Муравьева изучила упоминавшаяся выше Комиссия Санкт-Петербургского юридического общества. Она представила замечания и разработала собственные рекомендации, такие, например, как замена личного патронажа над помощниками присяжных поверенных сословным; разрешение вступать в адвокатуру женщинам; отказ от ограничений на прием в сословие нехристиан как «тяжелой несправедливости» и запрет на вступление в адвокатуру государственных служащих, поскольку в противном случае это нарушает независимость корпорации.³¹

²⁴ См. подробнее: *Винавер М.* Очерки об адвокатуре. С. 64 и след. О развитии локального регулирования института помощников присяжных поверенных см.: *Арсеньев К. К.* Очерки об адвокатуре... С. 38–50; *Клауцан Н. Г.* Становление института помощников присяжных поверенных в России // Вестник Владимирского юридического института. 2012. № 4 (25). С. 149–156.

²⁵ Пункт 2 по поводу редакции статьи 354 УСУ // Приложение № 5 к Журналу № 6.

²⁶ Пункт 5 по поводу редакции статьи 356 УСУ // Там же.

²⁷ Дело о преобразовании судебной части в России. В 74 т. Т. Л. С. 255–256.

²⁸ Журнал № 6. С. 20.

²⁹ Там же; *Винавер М.* Очерки об адвокатуре. С. 24–27.

³⁰ Журнал № 6. С. 23.

³¹ *Мойсинович А. М.* Судебная реформа 1864 г. в оценках современников и исследователей второй половины XIX — начала XX в. Дис. ... к. и. н. Ярославль, 2006. С. 174.

Как отмечено выше, Комиссия Н. В. Муравьева в заявленной двойственной цели реформирования — развитие самоуправления и усиление контроля — большее внимание уделила второму из названных моментов. Такие предложения, как создание специального дисциплинарного органа; расширение полномочий прокуратуры по опротестованию решений Советов с закреплением неопределенного основания принесения протеста; предоставление министру юстиции права на отстранение от защиты и представительства, несмотря на уже имеющееся привлечение к дисциплинарной ответственности (фактически двойное наказание за один проступок и одновременно нарушение принципа независимости адвокатуры); реакционное положение о квотировании вступления в присяжные поверенные нехристиан с недопустимостью их избрания в органы самоуправления, и некоторые другие, несомненно, усилили бы подконтрольность присяжных адвокатов судебным и исполнительным органам и существенно ограничили самоуправление и независимость корпорации.

Оценивая проект Комиссии Н. В. Муравьева по реформированию института присяжных поверенных, Е. В. Васьковский писал, что проектировавшаяся реформа «со своим частичным улучшением деталей... мало способна спасти нашу адвокатуру от неминуемого падения».³² С высказанным суждением сложно не согласиться, поскольку проект, на наш взгляд, не устранял основного недостатка — пробельности регламентации дисциплинарной ответственности присяжных поверенных. В сочетании с принципом сословной организации адвокатуры это делало присяжных адвокатов полностью зависимыми от органов самоуправления (Советов), деятельность которых могла либо способствовать формированию нравственного климата в адвокатской среде, либо носить негативный характер, в зависимости от персон, входивших в Советы.

Следующая попытка преобразования адвокатуры связана с деятельностью учрежденной Временным правительством Комиссии для восстановления основных положений Судебных уставов,³³ подготовившей Проект об устройстве русской адвокатуры.³⁴ Непосредственно над проектом работала специальная секция комиссии под руководством присяжного поверенного Н. К. Муравьева, первое заседание которой состоялось 17 апреля 1917 г. В ее состав вошли М. М. Винавер, А. Я. Гальперн, М. Л. Гольдштейн, О. О. Грузенберг, А. А. Демьянов, С. Е. Кальманович, Н. П. Карабчевский, Н. Н. Раевский, С. Ф. Рымович и Д. В. Стасов. Проект подготовили к сентябрю 1917 г., тогда же, в сентябре, 20 числа, началось его обсуждение, так и не завершившееся до 24 октября того же года, поскольку основные предложения секции вызвали полемику и многочисленные, иногда резкие, возражения со стороны большинства членов комиссии. Продебатировали только общие вопросы. В соответствии с практикой функционирования Комиссии 1917 г. журналы, отражавшие ход дискуссии по тому или иному вопросу, составлялись по его рассмотрению, поэтому по причине неза-

³² *Васьковский Е. В.* Будущее русской адвокатуры... С. 29.

³³ Об образовании Комиссии для восстановления основных положений Судебных уставов и согласования их с происшедшей переменой в государственном устройстве и об учреждении Временного Высшего Дисциплинарного Суда: постановление Временного Правительства от 25 марта 1917 года // Вестник права. Орган адвокатуры, нотариата и суда. 1917. № 18. Ст. 438. С. 375–376.

³⁴ Проект 1917 года об устройстве русской адвокатуры // Закон и суд. 1933. № 1 (31). С. 632; № 2 (32). С. 652; № 3 (33). С. 671–672; № 4 (34). С. 692. Далее в тексте — Проект 1917 года.

вершенности обсуждения Проекта об устройстве русской адвокатуры журнал не составлялся. Представленная ниже реконструкция работы над этим документом основана на воспоминаниях А. Лазаренко и материалах периодической печати 1917 г.³⁵

Предваряя рассмотрение проекта комиссией, председатель секции Н. К. Муравьев обозначил основные начала организации адвокатуры, в частности признание невозможности осуществления правосудия без адвокатуры, оказывающей юридическую помощь гражданам, поэтому она должна находиться в составе судебных установлений (ст. 1).³⁶ Одновременно адвокатура характеризовалась как самоуправляющаяся, самостоятельная и независимая, но не безнадзорная (ст. 1). Надзор вверялся Соединенному присутствию особого состава Правительствующего Сената, а не прокуратуре и магистратуре (ст. 43). Противный подход превращал надзор в произвол. Соединенное присутствие особого состава состояло из четырех сенаторов кассационных департаментов, по два от каждого, и двух присяжных поверенных — не членов Совета, избираемых общими собраниями присяжных поверенных округов Петроградской и Московской судебных палат (ст. 44). Компетенция Совета присяжных поверенных расширялась (ст. 12). Представление интересов по гражданским, административным и уголовным делам допускалось только присяжными поверенными (ст. 52). Решения Совета, принимавшиеся в соответствии с их полномочиями, в том числе и дисциплинарные, предполагались окончательными и не подлежащими обжалованию (ст. 42), поскольку суд Совета — суд совести. Надзор за решениями Совета осуществлял Сенат. Общие вопросы рассматривались на съездах представителей адвокатуры (ст. 37).³⁷

Основные возражения вызвали положения о: 1) включении адвокатуры в состав судебных установлений, 2) ограничении задач адвокатуры, 3) чрезвычайной власти Советов над присяжными поверенными и 4) монополизации присяжными поверенными представительства в суде.

Введение адвокатуры в состав судебных установлений противоречит основам судоустойства, поскольку судебным установлениям принадлежит судебная власть (ст. 1 УСУ). Включение адвокатуры в судебные установления (ст. 1 проекта) и свобода от надзора со стороны прокуратуры создают для нее привилегированное положение в сравнении с судебными учреждениями, в отношении которых прокуратура осуществляет надзор, и прокуратурой, состоящей при судах.³⁸

Ограниченность формулировки задач адвокатуры, сводимых только к оказанию юридической помощи гражданам (правозаступничество), игнорирующей судебное представительство, отметил профессор Н. Н. Розин:

³⁵ Лазаренко А. Проект о самоуправлении русской адвокатуры // Закон и суд. 1933. № 1 (31). С. 615–617.

³⁶ Здесь и ниже статьи указаны по Проекту 1917 года.

³⁷ Лазаренко А. Проект о самоуправлении русской адвокатуры... С. 615–616. — К общим вопросам отнесли установление правил внутреннего распорядка и профессиональной деятельности, обложение членов сословия обязательными денежными сборами, разрешение вопросов о приобретении и отчуждении сословием имущества и прочие вопросы, касающиеся сословия (п. 4–9 ст. 29, ст. 39 проекта), т. е. они носили действительно самый общий характер. Первый Всероссийский съезд присяжных поверенных прошел 28–30 марта 1905 г. в Санкт-Петербурге. В октябре 1905 г. в Москве состоялся второй съезд. Однако «из-за политических противоречий» они больше не созывались. (Хаски Ю. Российская адвокатура и советское государство... С. 25.)

³⁸ Лазаренко А. Проект о самоуправлении русской адвокатуры... С. 616.

«Оказание юридической помощи гражданам» неравноценно «помощи правосудию», которое Н. К. Муравьевым провозглашено в качестве основного начала.³⁹ В прениях пришли к пониманию адвокатуры как свободной профессии, осуществляемой в публичных интересах, которая обеспечивает потребности населения в правозаступничестве и судебном представительстве и ограждает правосудие от искажения его задач в процессе. Именно поэтому деятельность адвокатуры регламентируется законом и должна контролироваться государством.⁴⁰ Такой подход Комиссии 1917 г. соответствовал представлению об адвокатуре как самоуправляющейся организации, устранял ограниченное понимание задач корпорации и предполагал переработку положений об организации надзора.

При обсуждении проекта в комиссии указывалось на подмену независимости адвокатуры независимостью Советов присяжных поверенных. Положение рядовых членов корпорации ухудшалось. Они попадали в полное подчинение «самодержавных» Советов, могущих лишить прав любого члена сословия, не имеющего возможности даже обжаловать их решение.⁴¹

Действительно, ст. 12 «Права и обязанности Совета присяжных поверенных» обеспечивала всевластие этого органа над членами сословия и не содержала никаких средств его ограничения. К ведению Совета отнесли вопросы принятия в сословие и исключения из него, надзор за его членами, наложение дисциплинарных взысканий, определение по заявлению клиента размера вознаграждения при наличии конфликта с присяжным поверенным и т. п. Несмотря на название ст. 12, презюмировавшее изложение не только прав, но и обязанностей, никаких обязанностей на Совет не возлагалось. Визуальное сопоставление анализируемой статьи с другими разделами проекта свидетельствует о ее самом большом объеме в этом акте. Если учесть, что и в других статьях проекта значительное внимание уделялось детализации прав Совета, то утверждение о безраздельной зависимости адвокатов от органа самоуправления не является преувеличением. Это подтверждается также изучением отделения третьего проекта «О правах, обязанностях и ответственности присяжных поверенных» (ст. 45–7).⁴² В нем закреплялись только два права поверенного — «принимать на себя» уголовные, гражданские и административные дела на всей территории России (ст. 45) и получать вознаграждение (ст. 54, 55). Все остальные положения касались обязанностей.

Процедура дисциплинарного производства, прописанная в проекте, носила инквизиционный характер, что выражалось в закреплении обширных дисциплинарных полномочий Советов присяжных поверенных и минимизации гарантий прав привлекаемого к ответственности. Под дисциплинарную юрисдикцию Советов подпадали не только члены сословия, но и те, кто утратил этот статус, за проступки, которые они совершили, будучи присяжными поверенными (ст. 19). Срок давности привлечения к ответственности составлял 8 лет(!) со времени совершения деяния (ст. 18). Следственные судьи и суды обязывались уведомлять Совет об осуществлении уголовного преследования и вынесенных в отношении адвоката приговорах (ст. 20). При этом в проекте, как и в Уставах, не содержалось

³⁹ См.: Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Объем отделения третьего о статусе присяжного поверенного почти вдвое меньше первого раздела отделения второго, посвященного статусу Советов, — соответственно, ст. 45–57 (12 статей) и ст. 6–27 (21 статья) проекта.

оснований привлечения к дисциплинарной ответственности. Более того, если, как указывалось выше, ст. 368 УСУ все-таки увязывала дисциплинарную ответственность с профессиональной деятельностью, то норма ст. 17 Проекта 1917 года закрепляла в качестве основания дисциплинарной ответственности «неправильность действий» вне связи с исполнением профессиональных обязанностей. Совершенно очевидно, что такая формулировка носит абсолютно аморфный характер. Как представляется, в Проекте 1917 года возобладало сложившееся вопреки нормативной регламентации расширительное понимание дисциплинарной власти Совета, охватывающей профессиональную и частную жизнь адвокатов. Единственным способом защиты привлекаемого к дисциплинарной ответственности являлась дача объяснения в установленный Советом срок (ст. 23). Неявка в суд без уважительных причин и отсутствие объяснения не препятствовали принятию решения (ст. 24). Проект, в отличие от Учреждения судебных установлений (ст. 370, 375, 376), не предусматривал обязанности Совета уведомлять прокурора о принятых по дисциплинарным производствам решениях, двухнедельного срока на их обжалование или опротестование, снижал кворум для принятия решений с $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{3}$ членов Совета.

Таким образом, в Проекте 1917 года отсутствовали элементарные процессуальные гарантии прав привлекаемого к дисциплинарной ответственности адвоката: гласность, право на защиту, вызов свидетелей, истребование документов, — как это предусматривалось для дисциплинарного производства в отношении судей. Хотя в докладе Н. К. Муравьева упоминалась возможность обжалования, в тексте проекта такое право отсутствовало (ст. 17–27, 42, 43). Надзор за законностью, предусмотренный ст. 43 проекта, не компенсировал этого недостатка, поскольку, как известно, он сводился к проверке соблюдения формы принятия решения (компетентность органа, соответствие процедуры закону), поэтому рассматривать его как действенную гарантию прав присяжного поверенного затруднительно. Проект не содержал процедуры осуществления надзора Сенатом, а у прокуратуры эти полномочия изымались. С учетом огромной российской территории и приведенной выше регламентации надзор, скорее всего, носил бы фиктивный, а в случае указания министра юстиции его осуществлять — и незаконный характер.

Против отказа от института частных поверенных выступили П. И. Люблинский и М. П. Чубинский.⁴³ Монополия адвокатуры обеспечивалась путем отмены норм о праве вести дела, выступать в суде «без обязанности избирать присяжных поверенных» и давать доверенности на представление интересов родственникам и некоторым другим лицам, а также упразднения института частных поверенных (ст. 386 и 389 УСУ). Согласно ст. 52 проекта только присяжные поверенные могли представлять интересы сторон в судах по административным и гражданским делам. В прениях, возражая доводам Н. К. Муравьева о достаточном числе адвокатов в России, выступающие указывали, что Россия — страна, в которой большая часть населения, особенно крестьянство, юридически беспомощны. Исключительность полномочий присяжных поверенных по осуществлению представительства лишает значительную часть населения защиты, поскольку стороны понуждаются приглашать адвоката, без участия которого судебное разбирательство не предполагается.⁴⁴

⁴³ Лазаренко А. Проект о самоуправлении русской адвокатуры... С. 617.

⁴⁴ Там же.

В проекте имелись новеллы, демократизировавшие требования к соискателям звания присяжного поверенного. Ими могли быть не только мужчины, но и женщины (ст. 4), что узаконило наметившуюся задолго до 1917 г. тенденцию. Например, в 1875 г. частный поверенный Е. Ф. Козьмина получила свидетельство и работала в Нижегородском окружном суде. В Томске практиковала М. П. Аршаулова, а в Иркутске — В. Л. Кичеева, добившаяся в Сенате отмены решения Иркутского губернского суда, запретившего ей ходатайствовать по чужим делам.⁴⁵ Вопреки существовавшему запрету женщины предпринимали попытки приобрести статус частного поверенного или вступить в корпорацию. Об этом, в частности, свидетельствует жалоба бывшего присяжного поверенного Н. Миролюбова на действия прокурора округа Казанской судебной палаты, утвердившего постановление Совета о принятии женщины в помощники присяжного поверенного.⁴⁶ Незавершенность работ Комиссии 1917 года не помешала Временному правительству легализовать женскую адвокатуру.⁴⁷ Женщины получили право вступать в присяжные поверенные, получать свидетельство на право ходатайствовать по чужим делам, заниматься судебной практикой под руководством присяжных поверенных. В прессе периодически появлялись публикации о принятии женщин в корпорацию. Так, в Москве четверо стали помощниками присяжных поверенных — С. М. Боим, Н. Я. Коссовская, С. А. Нечаева и Б. В. Фридберг,⁴⁸ несколько позже еще 20 вступили в сословие.⁴⁹ Возрастной ценз для вступления в адвокатуру снижался с 25 до 23 лет (ст. 5). Минимальный служебный ценз устанавливался в 3 года вместо 5 лет (ст. 4). В служебный ценз включалось преподавание в высшем учебном заведении юридических дисциплин (ст. 4).⁵⁰

Достоинством рассматриваемого документа являлся раздел «Б» «О помощниках присяжных поверенных», основу которого составили ранее выработанные Советами присяжных поверенных правила. В Проекте 1917 года четко формулировалось назначение этого института — «подготовка к званию присяжных поверенных» (ст. 58), а также совокупности требований, которым должны соответствовать кандидаты в помощники (ст. 60): образовательный ценз — диплом «российских высших юридических учебных заведений» (ст. 59); российское подданство (гражданство); хорошая репутация (не объявленный несостоятельным; не исключенный из

⁴⁵ Решетников Г. Л. К вопросу о «женской адвокатуры» в дореволюционной России // Российский юридический журнал. 2012. № 1. С. 180–181; Буйских О. В. Судебная реформа в Вятской губернии: 60–80-е годы XIX века. Дис ... к. и. н. Киров, 2000. С. 119–120.

⁴⁶ РГИА. Ф. 1362. Оп. 1. Д. 469. — В 1909 г. помощником присяжного поверенного судебного округа Санкт-Петербургской судебной палаты стала Е. А. Флейшиц, впоследствии исключенная из адвокатуры по рассмотрении запроса министра юстиции И. Г. Щегловитова Сенатом. (См.: Титова Е. А. Женское лицо русской присяжной адвокатуры // Судебная власть и уголовный процесс. 2014. № 3. С. 278–284.)

⁴⁷ О допусшении женщин к ведению чужих дел в судебных установлениях см.: Постановление Временного правительства от 1 июня 1917 года // Вестник права. Орган адвокатуры, нотариата и суда. 1917. № 28–30. Ст. 706. С. 560–561; ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 536.

⁴⁸ Хроника // Вестник права. Орган адвокатуры, нотариата и суда. 1917. № 16. С. 332–333.

⁴⁹ Хроника // Там же. 1917. № 17. С. 356. — По данным Ю. Хаски, сорок пять женщин в Москве подали прошение о приеме в присяжные поверенные. (Хаски Ю. Российская адвокатура и советское государство... С. 28.)

⁵⁰ Ср. приведенные статьи Проекта 1917 года со ст. 354, 355 УСУ.

сословия присяжных поверенных или «из службы»; не лишенный приговором суда права ведения чужих дел или прав состояния «на время действия сих ограничений»; не осужденный или находящийся «под следствием или судом» за совершение некоторых преступлений (кража, мошенничество, присвоение вверенного имущества и т. п.) и не находящийся на государственной службе (ст. 5, 60). Правовой статус помощников присяжных поверенных и их дисциплинарное преследование были такими же, как и для присяжных поверенных (ст. 65). В качестве органа самоуправления помощников предусматривался ежегодно избираемый на общем собрании комитет. К его ведению были отнесены сбор информации о желающих вступить в помощники, их организация, наложение дисциплинарной ответственности в пределах, определенных Советом присяжных поверенных, и наблюдение за установленными Советом правилами подготовки (ст. 66, 67). В проекте не были прописаны процедуры стажировки и итоговой аттестации, эти вопросы относились к компетенции Советов. Имелось лишь указание о 1) ее минимальном сроке в три года и 2) праве помощников в первый год пребывания в этом статусе практиковать только в мировых судах, а по истечении года с разрешения Совета — во всех судебных установлениях (ст. 4, 62 проекта).

Таким образом, Проект об устройстве русской адвокатуры 1917 года нес на себе отпечаток времени, в которое создавался. В нем прослеживается либерализация некоторых положений, например требований, предъявляемых к вступающим в адвокатуру лицам. Есть и элементы искаженного представления о демократии и независимости организации — наделение Совета присяжных поверенных суперполномочиями в отношении членов корпорации без каких-либо минимальных гарантий для них. Фактически в Проекте 1917 года гипертрофирован подход, заложенный Учреждением судебных установлений, когда значительная часть норм посвящена ничем не ограниченному правомочиям Совета. Отчасти в Уставах этот недостаток уравновешивался правом на обжалование в Судебную палату и надзором прокуратуры. В Проекте 1917 года нормы о праве на обжалование решений Совета отсутствовали, а надзор носил гипотетический характер. Некоторые положения Проекта 1917 года воспроизводили идеи авторов Судебных уставов и Проекта комиссии Н. В. Муравьева. Так, предусматривались уведомительная, а не разрешительная процедура открытия Советов; право адвокатов принимать дела «во всех судебных установлениях Российского государства». Единственное значимое достижение Проекта 1917 года — это институт помощников присяжных поверенных, хотя и не идеальный, но все-таки вносящий некоторую определенность в их положение.

Из изложенного видно, что проекты комиссий Н. В. Муравьева и Временного правительства оставались в русле понимания составителями Уставов адвокатуры как организации, члены которой в различных формах оказывают содействие правосудию. Фактически единственным средством обеспечения реализации этого назначения являлось организационное оформление сословия, основанное на самоуправлении и независимости. Однако, как показывает история функционирования института, этого оказалось недостаточно для создания нравственной и профессиональной адвокатуры, но других конструкций в проанализированных выше проектах предложено не было.